

ИРИНА
ВОРОБЕЙ

Шаргалка

романтический рассказ

Ирина Воробей

Шпаргалка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56408915

SelfPub; 2023

Аннотация

Наташа едва перебивается с двойки на тройку и то с помощью друга – отличника Костина. Перед государственным экзаменом она готовит шпаргалку. За такое отчисляют, но иначе экзамен не сдать. Ведь все лекции Наташа прослушала из-за влюбленности в преподавателя. И эта дурацкая шпаргалка становится для Наташи судьбоносной.

Ирина Воробей

Шпаргалка

Наташа старательным почерком выписывала шпаргалки на клочках бумаги за час до полуночи перед последним экзаменом. Она знала, на какой риск идет, ведь за нарушение процедуры отчисляли мгновенно. Но вероятность не сдать его самостоятельно казалась ей слишком высокой, перекрывающей все остальные риски. Она кое-как отучилась эти четыре года, едва перебиваясь с двойки на тройку, и то только с помощью Костина, который сам шел на красный диплом.

Стоило Наташе о нем вспомнить, как парень тут же возник в комнате, широко распахнув дверь, чем бы непременно напугал соседку, если бы та не убежала на свидание в эту ночь.

Короткий хвостик черных волос на макушке игриво плясал под темп широких шагов. Угловатое лицо улыбалось неровным рядом зубов, отливающих самодовольной усмешкой. Черные глаза с подозрением прищурились на Наташу и ее левую кисть, в которой она держала ручку. Густые ресницы почти закрывали Костину обзор. Наташа всегда завидовала пышности этих ресниц. Свои ей приходилось в несколько слоев обводить тушью, но эффект все равно был слабее.

– Ага! – воскликнул Костин, как полицейский, которому давно не попадался преступник с поличным. – Шпаргальни-

чаем?

– Стучать учись, а потом других обвиняй, – буркнула Наташа, не поднимая головы.

Он бесцеремонно плюхнулся рядом. Ей пришлось приостановить писанину и подождать, пока друг с удобством устроится на пружинистой кровати. Костин заглянул в ключок, который заполнили корявые циферки.

– Совсем отчаялась? – усмехнулся он, проведя длинными пальцами по зачесанным волосам до самого основания хвоста.

С обоих боков волосы он периодически подбривал. Теперь прорастал коротенький ежик, который Наташа любила трогать кончиками пальцев – он отзывался на гладкой коже мелкими уколами, хотелось его придавливать и снова колоться. Сейчас бы ей не помешала эта успокоительная процедура, но она сконцентрировалась на шпаргалке.

– Это чисто для подстраховки, – пояснила Наташа убедительным тоном, только сама не понимала, кого пыталась убедить больше: себя или его. – Отец обещал сослать меня в деревню к бабушке и устроить в колхоз дояркой, если я не получу диплом. Ты же знаешь, я из той глуши никогда не смогу выбраться.

– Надо было лекции Колесникова слушать, а не пялиться на него влюбленными глазами, – посмеялся Костин.

Наташа, словно ошпаренная кипятком стыда, оцепенела на секунду, а потом со злобной гримасой развернулась и

ткнула его в плечо ручкой. Костин ойкнул, но продолжал улыбаться.

– Ничего не влюбленными, – пробурчала она, снова уткнувшись в бумагу. – Просто он очень интересно рассказывает.

– Ага, настолько, что ты нифига не запомнила.

Костин залился злорадным смехом. Наташа смерила его обиженным взглядом и не стала ничего отвечать.

Цифры перед глазами разлетелись по страницам учебника, как бешеная мошकारа. Мозг устал. Она заморгала. В памяти всплыло надменно улыбочливое лицо преподавателя с высоким лбом и вытянутым почти по-волчьи носом. Глаза его небольшие и глубоко посаженные, зеленые внутри и обрамленные пепельными ресницами, всегда манили ее в омут отчаяния.

Наташа, действительно, пропускала мимо ушей все, что Колесников говорил, потому что не могла сконцентрироваться на словах, а наслаждалась плавучим тембром голоса, таким низковато мужским и в то же время нежным.

– А ты чего приперся? – спросила она, будто только опомнилась. – Сам не готовишься, другим не мешай. Не всем повезло родиться гениями, как ты.

Костин фыркнул, как делал всегда, когда отвечивали комплименты, его способностям как будто быть умным было так просто. Впрочем, у него получалось легко, налету и словно без усилий. Наташа и этому завидовала, потому что у

нее экономика встряла комом в горле и разбрелась толстыми бляшками по сосудам на пути к мозгу, так до него и не добравшись.

– Да так, заглянул от скуки, – Костин зевнул широко.

Наташа на него не смотрела. Он примерно с полминуты молчал, застыв. Даже расслабленная пружина кровати под ним не скрипела.

– Мне тут просто письмо пришло... – начал Костин медленно.

Почувствовав пристальный взгляд, она обернулась.

– Я грант выиграл на обучение в Америке.

Наташа засияла искренней улыбкой.

– Здорово! Поздравляю!

Она стукнула его кулачком в плечо. Друг пошатнулся и уткнулся локтем в мягкое скомканное одеяло.

– Спасибо, – ответил он с улыбкой, но в глазах оттенялось сомнение, или неуверенность, или даже тоска.

Костин посмотрел на Наташу, бегая глазами с одной половины лица на другую, будто сравнивал, насколько они симметричны и пропорциональны. Тонкий, длинный и острый нос, действительно, разделял ее лицо строго на две равные части, а прямые каштановые волосы с обоих краев и ровная челка на весь лоб обрамляли треугольное лицо строгим квадратом. Друг всегда поражался четкой геометричности ее черт. Аналитический мозг его находил в этом много выверенной красоты, хотя сама Наташа себя стеснялась. И все

жаловалась, что ей от природы не достались ни красота, ни ум, ни даже доброта, которой можно было бы перекрыть все остальное.

– И когда нужно уезжать? – спросила она, снова уткнувшись в учебник, чтобы посмотреть на формулу, могущую ей быть полезной на экзамене.

Ее вдруг что-то кольнуло изнутри от этих слов. Что-то неопознанное, но ядовитое.

– Ну, вообще, по плану в июле сразу, пока там устроюсь, все дела, – Костин пожал плечами. – В грант ведь только обучение входит. Надо будет жилье искать и подработку какую-нибудь.

Наташа молча закивала, пытаясь прочувствовать колкость, но смятенная душа ничего не распознавала.

– Ну, будешь и дальше для таких тупых студентов, как я, курсовые писать и доклады, – посмеялась она.

Формула снова растеклась перед глазами. Утомленный зубрежкой мозг требовал отдыха. Наташа протерла глаза и попыталась сфокусировать взгляд, но одинаково мелкие и черные циферки и буквы сплетались в неразборчивое месиво.

– А ты что будешь делать? – со странным невеселым любопытством спросил Костин, заглядывая за плечо в шпаргалку.

Кровать снова неприятно скрипнула и заходила волнами. Наташа шикнула на него, чтобы не шевелился и не мешал ей

выводить кривые закорючки на отрывке листа.

– Мне бы хотя бы диплом получить, – хмыкнула она удрученно, совершенно не представляя, как дальше будет жить.

Было понятно, что придется искать работу и жилье, как-то устраивать жизнь. Отец обещал поддерживать ее деньгами только первый месяц после получения диплома – это время ей отводилось на поиск работы по специальности. А дальше она должна была выживать сама. Наташа морально готовилась идти попрошайничать. Ее больше пугало то, что диплом она может так и не получить, и тогда точно придется вернуться в деревню и забыть о будущем.

– В Америку не хочешь? – одновременно с издевкой и надеждой спросил Костин, теребя в руках мягкий уголок Наташиной подушки.

Она искренне рассмеялась.

– И что я там делать буду?

Попытка вновь сконцентрироваться на шпаргалке не удалась, но теперь в глазах летали не только формулы и буквы. Пространство вокруг тоже завертелось. Костин поменял позу, отчего кровать застонала и худо продавилась.

– Ну, здесь тебе тоже делать особенно нечего. Официанткой ты и там сможешь работать.

Он едко усмехнулся, глядя ей в затылок. Наташа суксилась и напрягла губы, крепко их сжав. Хотелось треснуть тяжелым учебником по его мудреной башке.

– То есть ты думаешь, что я только официанткой смо-

гу устроиться? – процедила она сквозь зубы, до побеления пальцев сжав ручку.

– Нет, почему? С твоими талантами тебе множество дверей открыто: Макдак, Бургер Кинг, КФС. Даже Старбакс, если повезет.

Костин едва сдерживал усмешку на губах. Наташа отвернулась спесиво.

Пару минут они посидели молча. В груди бушевала обида, больше от чрезмерной правдивости его издевок. Она и сама не раз примеряла на себя брендированную форму ресторана фаст-фуда и тренировалась в уме перед зеркалом громко и четко произносить известную фразу: «Свободная касса».

– Все равно никто меня в Америку не возьмет, – сказала Наташа уныло, смилив оскорбленное достоинство. – Там своих официанток хватает.

– Я могу тебя взять, – заявил Костин. – В качестве жены. Она дернула головой в его сторону, выпучив глаза.

– Фиктивной, разумеется, – прочистил горло друг и опустил взгляд. – По учебной визе можно брать с собой членов семьи. Будешь мне готовить взамен.

Наташа снова расхохоталась, выронив ручку на пол. Шпиргалка отлетела на середину письменного стола от взмаха руками. Костин смотрел на нее безоружно, хмуря густые брови. Так же резко, как начала, Наташа закончила хохотать и потянулась за ручкой. Поднявшись, она одарила друга коварным прищуром.

– Боишься с голоду умереть без своего соседа?

– Ну, а что? – улыбнулся Костин. – Взаимовыгодный обмен ведь. Ты не дашь умереть с голоду мне, а я не дам тебе умереть от скуки в деревне.

– Если ты до сих пор не в курсе, то в США отменили рабство еще в одна тысяча восемьсот шестьдесят пятом году. Так что я – пас.

Наташа все еще посмеивалась над его наивностью, отчего формулы совсем разбросало в сознании. Собрать их обратно мозгу никак не удавалось. Она решила, что пора закругляться и хоть чуть-чуть отоспаться в ночь перед казнью.

– Это не рабство, а сотрудничество, – обиженно ответил друг. – Ну, как хочешь. Мое дело предложить.

– И вообще, если я и выйду когда-нибудь замуж, то только за Колесникова, – повела Наташа плечиком кокетливо.

Парень хмыкнул, поднялся с кровати, измяв ей всю постель, и вышел из комнаты с хлопком. Наташа проводила его смешливым взглядом и принялась дописывать последнюю формулу, после которой мозг отказался думать напроць. Уснула она в одно мгновение, как только ухо коснулось подушки.

На экзамен весь курс загнали в длинную аудиторию с множеством уходящих в далекую перспективу рядов из парт, чтобы все сидели по одному за столом. Наташа с Костиным сели рядом. Их разделял узкий проход в полметра. На по-

мощь друга она надеялась отчаянно, хотя понимала, что под четким надзором двух преподавателей вряд ли удастся улучшить момент спросить его о чем-нибудь. Среди зрителей оказался и Колесников, заведующий кафедрой, отчего сердце Наташи задрезало в груди с удвоенной отдачей.

Когда задания были розданы, все затихли. Наташа смотрела на задачи, а в глазах все ходило ходуном. Ладони потели. Взгляд никак не мог сосредоточиться, даже на графиках. Она перечитывала условия помногу раз, но в голове возникало только недоуменное перекасти-поле, которое медленно ворочалось по редким извилинам, щекоча нервы.

Костин сразу начал решать первую задачу. Он всегда приступал к заданиям по порядку, не пытаясь выискать наиболее легкую, потому что не боялся не успеть решить все. Обычно ему удавалось справиться со всем и за более короткий срок, чем отводилось регламентом. Наташа же пыталась определить по условиям самое простое и решить это, чтобы вытянуть хотя бы на слабую тройку.

Колесников, скрестив руки на груди, прогуливался меж рядами и хмурил лоб, сверкающий легкими сединами на острых висках. Вытянутая фигура и зоркий взгляд позволяли ему видеть всю аудиторию целиком. Он прислушивался к шуршаниям бумаги, покашливаниям и скрипам металлических стульев, быстро устремляя внимание на внезапные звуки.

Второй преподаватель, постарше, пониже и потолстее, хо-

дил взад-вперед перед рядами, спрятав руки за пазуху, но глазами сверлил по очереди каждого студента, как металлодетектор, настроенный на поиск шпартгалок, тайных наушников или чего-нибудь еще более технологического, что могло бы студентам облегчить сдачу экзамена.

Первые две самые несложные задачи Наташе удалось решить, но на третьей она встряла, безнадежно пытаясь вспомнить формулу, которую вчера так старательно записывала в шпартгалку. Винула теперь Костина в том, что отвлек ее и помешал запомнить саму формулу. Она писала ее на автомате. Шпартгалка лежала в потаенном кармашке в рукаве пиджака. Под партой она легко могла ее вынуть и быстро взглянуть. Ей нужен был всего лишь один символ.

Наташа осмотрелась вокруг. Колесников шел по соседнему ряду справа от нее. Слева Костин усиленно грыз колпачок ручки, думая над непонятным графиком.

– Я выйду на пять минут, – бросил второй преподаватель Колесникову и направился к дверям.

Завкафедрой кивнул быстро, крепче сжав руки на груди, и осмотрелся вокруг на прилежных студентов. Наташа поняла, что это ее шанс и достала шпартгалку. Посмотрев формулу, она попыталась запихнуть ее обратно в кармашек, но однокурсник, сидящий прямо за ней, громко чихнул. Колесников зыркнул туда и пожелал студенту здоровья.

У Наташи от волнения пальцы разжались. Бумажка соскользнула с кожи, сначала осела на гладкую ткань брюк, а

потом ее судорожным дыханием отнесло в сторону и на пол. Наташа зажмурилась от досады. Ключок шпиргалки упал ровно посередине между ее партой и Костина.

Друг был сильно увлечен задачей и не заметил испепелявшего его отчаянного взгляда Наташи. Она сжала кулаки, молясь, чтобы ни Колесников, ни второй преподаватель не заметили этот жалкий бумажный отрывок с ее писаниной. И уже через минуту разочаровалась в боге, потому что Колесников, прохаживаясь по их ряду, заметил бумажку и вчитался.

– Так, – протянул он недовольно, сразу бросив взгляд на Наташу.

Она встала в ступор и выпучила глаза на красивое, раскрашенное двумя глубокими морщинами вокруг щетинистого рта, лицо преподавателя. Колесников поджал губы.

– Чье это? Признавайтесь, – спросил он, мельком взглянув на Костина, но сразу остановил взгляд на Наташе.

В его глазах читалась разочарованная убежденность.

– Это мое, – уверенно заявил Костин, переглянувшись с потерянной Наташей, а потом остановил серьезный взгляд на лице преподавателя.

Колесников изумился. Зеленые глаза из-под нависших век быстро перебежали с одного на другую и обратно. Наташа обомлела, приоткрыв рот и затаив дыхание. В голове от судорожных порывов страха носилось все то же перекаати-поле, и ни одна дельная мысль не появилась на горизонте. Од-

нокурсники вокруг навострили уши.

– С чего вдруг? – спросил Колесников, чуть откинув голову назад.

Лицо его пронзила недоверчивая усмешка.

– Ну, гос же все-таки, – помял плечами парень, не опуская глаз.

– Костин, ты же знаешь, что за такое полагается? – медленно спросил завкафедрой, словно призывая парня одуматься.

Он еще раз быстро глянул на Наташу. Та превратилась в статую ужаса. Костин тоже бросил в нее быстрый взгляд, вздохнул и кивнул.

– Костин? – в последней отчаянной попытке спросил Колесников, впившись досадливыми глазами в серьезное лицо парня.

– Да, – ответил тот и поднялся из-за парты. – Ну, значит, нет смысла больше тратить время.

Он протянул Колесникову свою работу. Тот не решался ее принять, испепеляя парня многозначительным взглядом, в котором смешалось все и сразу: досада, отчаяние, жалость и неуверенность. Преподаватель подошел к нему вплотную и шепотом проворчал:

– Как тебе с таким умом удастся так тупить? Из-за девчонки всю жизнь хочешь спустить?

Колесников снова бросил в Наташу недовольный взгляд.

– Сам виноват, сам должен отвечать, – невозмутимо отве-

тил Костин и пожал плечами, открыто посмотрев преподавателю в глаза.

Колесников зажмурился на секунду и мотнул головой, сильно сжав губы в гримасе гнева, но вмиг вернул лицу нормальное выражение. Он посмотрел на бумажку и сжал ее в кулаке.

– Тьфу ты! Пустой листок, – отмахнулся. – Костин, нечего бумагу грызть. Мозгов не добавит. А количество черновиков у нас ограничено.

Снова скрестив руки, он круто развернулся на каблуках и направился дальше вдоль рядов с ошеломленными студентами. Костин быстро сел, переглянувшись с Наташей.

Она побелела, как известь, и, казалось, даже забыла, что такое дышать. Глаза ее карие вылезали из орбит от нараставшего внутри давления.

А Колесников как ни в чем не бывало озирался на пришибленных студентов, хмурил брови и медленными шагами пересекал аудиторию.

Через несколько секунд после инцидента в дверях появился второй преподаватель и быстро оглядел всех строгим взглядом. Они с Колесниковым молча кивнули друг другу. Экзамен продолжился.

Наташа с большим трудом взяла себя в руки, чтобы доделать хотя бы третью задачу. Нельзя было спустить только что пережитый ужас впустую. Друг быстро увлекся графиком и больше ни на что внимания не обращал.

После она нагнала Костина на выходе из университета и крепко-крепко обняла, зажмурившись. Внутри все переворачивалось под быстрый ритм сердца. Он опешил, опустив руки, но когда Наташа открыла глаза и выпустила его из объятий, увидела самодовольную улыбку.

– Я за тобой хоть на край света поеду! – выпалила от переизбытка чувств.

– Ну, Америка – не такой уж и край, – еще шире заулыбался Костин, убрав прядь ее растрепавшихся от бега волос за ухо.

Наташа взгляделась в черные глубокие глаза, за которыми кроилось что-то желанное.

На крыльцо вышел Колесников с тонкой усмешкой. Сжимая в руке набитый бумагами портфель, он бросил на Костина упрекающий взгляд и едва уловимым движением мотнул головой. Парень ответил благодарным кивком с улыбчивым прищуром. Преподаватель быстро прошел мимо, не оборачиваясь, махнул рукой вверх и бросил напоследок:

– На свадьбу пригласите только.

Наташа с Костиным смущенно засмеялись.